

РАГЕДИЯ, воспоминанию о которой посвящает эти дни наша страна и с нею весь мир, была величайшей в истории русской литературы, одной из величайших в истории старой России. Насильственно была оборвана жизнь, ставшая символом новой культуры молодого народа. На протяжении века мы пользуемся богатствами, оставленными Пушкиным, — богатствами литературного языка, поднятого им на высоту любого старого культурного языка Европы, богатствами исторических представлений о России, неиссякаемыми богатствами поэзии жизнерадостной, мужественной и прозрачной.

Пушкин — светлейший поэт русской литературы, почерпнувший силу своих чувств в источниках народного творчества и во всем предшествовавшем историческом развитии своей страны, действовал во всеоружии знаний образованнейшего, передового человека Европы начала XIX в. Сила его воздействия на нашу культуру так велика, что его образ, занимая первое место в истории великой русской литературы, сделался героическим образом русской истории вообще, одной из ее основных, объясняющих наше бытие вех.

Причина могущественного влияния Пушкина на историю русской культуры находится в непревзойденном сочетании двух направлений его творчества. Он европеизировал содержание русской литературы, пронизав его мыслью, общественными надеждами и вкусами западноевропейской культуры рубежа XVIII—XIX вв. Это было одно направление пушкинского труда. Оно гениально сочеталось с другим: Пушкин отыскал совершенную национальную форму для своего творчества в языке прозы и стихов и отчасти в стихосложении.

В Пушкине было необычайно сильно чувство мира, чувство связи с миром, и также силен был дар проявлять эту связь поэта с миром

в любой большой теме. Пушкин был художником мировым в том смысле, что он был охвачен умонастроением века, что все его большие литературные создания наполнены перекличкой с мыслью Запада, напоены отзвуками политического, философского, нравственного движения современной ему эпохи. Он возвышал русского читателя до уровня всеобщих воззрений нескончаемыми напоминаниями об Европе, о мире вообще. Эти напоминания, ссылки, намеки рассыпаны в пушкинских строках, где только можно, — от рецензий, статей, до стихотворений, до „Евгения Онегина“, до поэм и драм, не говоря уже о том, что самые замыслы больших пушкинских произведений, их толкование, их осмысление необычайно близки господствовавшим в европейских литературах идеям и образам.

Круг художественных волнений и мыслей Пушкина включал в себя на Западе Шиллера, в нем вращался Шелли, он почти полностью замыкал Байрона. Одна из творческих примет многих произведений Пушкина — байронизм — свидетельствует о его кровном и властном, живом родстве с Европой. В русской действительности поэт отыскивает характеры, остающиеся верными особенностями своей среды и одновременно выражающие черты, общие с мировым типом. «Преждевременную старость души» — печальное достояние „Кавказского пленника“, и „Алеко“, и „Онегина“ — сам Пушкин назвал «отличительной чертой молодежи XIX в.».

Герои усталости сыграли роль, которая в жизни была не по их силам: они объединили нашу литературу с мировой темой, десятилетия занимавшей Запад. Ни в одном русском писателе не было такой напряженной, вечной тяги к столкновению, к перекрепчиванию с европейскими мотивами. Кроме „Русалки“ и „Бориса Годунова“, частью сюжета, тоже касающегося Запада, все драматические произведения Пушкина связаны или местом действия или фабулой с Европой, исторической или хотя бы вымышленной. В „Борисе Годунове“ он вводит в русскую литературу объективизм Шекспира. В драматических сценах „Скупого рыцаря“, „Каменного гостя“ и в других „маленьких трагедиях“ он протягивает руку то Мольеру, то Мериме. В пушкинской прозе подобное европеизирование произведений привело к нам, например, в великолепном „Дубровском“, традицию «разбойничьей» романтики, широко распространенной на Западе. В ряду многих имен, питавших тягу Пушкина к мировой теме, нельзя забыть Вальтера Скотта, исторические романы которого он называл «великими созданиями». Этому признанию отдано должное в самом волнующем произведении пушкинской прозы — в „Капи-

танской дочке“, — до сего дня не имеющем равного в русской литературе историческом романе.

В одном из писем Пушкин называет себя «министром иностранных дел русского Парнаса». Шутка необыкновенно правдивая: несмотря на европейскую образованность многих литературных современников Пушкина, и особенно его друзей, никто из них не вдыхал так нервно и глубоко ветра, дувшего с Запада, никто не разбирался так по-хозяйски запросто в «иностранных делах».

Пушкин пришел в лицей с совершенно французским воспитанием. Оно было укреплено, расширено, обогащено лицеем. „Француз“ — прозвали Пушкина лицеисты. Саркастический Вольтер возглавлял многочисленную плеяду имен французской литературы, как дома бытовавших с лицеистом Пушкиным в Царском Селе. С детских лет, со школьной скамьи, бросившись в литературные битвы, из которых потом он не выходил всю жизнь, Пушкин повел их с передовых позиций сторонников западной культуры, рядом с Карамзиным, Батюшковым, Жуковским. Позже, уже оставив позади свою юношескую лирику, запечатлевшую столько имен и образов классической мировой литературы, жизненно и художественно зрелый Пушкин снова сталкивается с Западом на путях исторического мировоззрения. Снова мелькают в его писаниях французы: Шатобриан — этот «учитель всего пишущего поколения», историк Гизо, объяснивший «европейское просвещение».

Чувство и знание современной западной литературы и через нее европейской жизни порождают в Пушкине мечту о реальной Европе, о загранице. В молодые годы мечта становится остроблезненной, на Юге Пушкин подготавливает побег из николаевской России, и только случай не хочет ему помочь. Но никогда не гаснет в нем тоска о загранице, он готов ехать куда угодно, он просит разрешить ему путешествие в Италию или во Францию, а то, пожалуй, и в Китай. И после его гибели один иностранец вспоминал: «Какою грустью проникался его взор, когда он говорил о Лондоне и в особенности о Париже. С каким жаром он мечтал об удовольствии посещения знаменитых людей, великих ораторов и великих писателей. Это была его мечта. И он украшал всем, что могло представить ему его воображение поэта, то новое общество, которое он так жаждал видеть».

Сам поэт писал Вяземскому: «Ты, который не на привязи, как можешь ты остаться в России? Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда вообра-

жаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры...». И в конце этого письма: «В четвертой песне Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? В нем дарование приметно — услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай да умница».

Мечтания поэта о Западе неразрывны с тем революционным обликом Пушкина, который мы теперь в нем видим и который позволяет нам тесно сближать его с декабристами.

Запад — это источник вольнодумства. Запад — это революция. Французское воспитание в лицее приводит к дерзкому образу мыслей, окрещенному «лицейским духом». «Лицейский дух» вливается в дворянскую оппозицию, в оппозицию дворян-интеллигентов. Лицейсты дружат с молодыми офицерами стоящих в Царском Селе полков. Офицеры в заграничных походах хлебнули остатков вольностей, отлично известных лицеистам из французских книг конца XVIII в. Практические познания сталкиваются с вычитанными. Доносчик Булгарин говорит про это общение, что лицеисты «куликали с офицерами» и что «наконец, пришло к тому, что если надлежало отыскивать что-либо запрещенное, то прямо относились в лицей».

В изгнании, на Юге, Пушкин открыто говорит об уничтожении в России закоренелого рабства, о том, *что* могло бы «поставить нас на ряду с просвещенными народами Европы». В одном современном дневнике мы находим такое замечательное свидетельство: «отбросив всякое стеснение, молодой поэт высказался так откровенно, что мог сразу попасть в Петропавловскую крепость... На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли». После восстания декабристов Пушкин ожидает ареста. К его крайним воззрениям, к его стихам, переполненным воспеваниями вольности, настолько все привыкли, что в эти тревожные дни, все еще ссыльный, из деревни, он признается Вяземскому: «Все возмутительные рукописи ходили под моим именем».

Но и после известного «договора с царем», в условиях жандармской слежки, надзора и подозрений, Пушкин не порывает с декабристами, пишет и шлет им на каторгу стихи. Могли ли воспоминания о разгроме восстания декабристов угаснуть в Пушкине, могли ли забыться друзья? Действительность окоченевает в холодной ночи расправ, и недавно пылавший огнями революции боготво-

римый Запад померк. Все кругом притихает и смпряется. Тень ложится и на вечно возмущенного Пушкина. Но если вникать в его житейские поступки, во взрывы бешенства, мечтания, тоску, если вчитываться в иные строки, словно нарочно окруженные внешним благочинием и умеренностью, — какой мятеж клокочет в этом сердце! Пушкин обращается к запретной теме о Радищеве, одно имя которого должно было толкнуть всякого русского читателя к мечтам о вольности. Едва ли в наследии поэта найдется сочинение более противоречивое, чем „Путешествие из Москвы в Петербург“, где критика радищевских взглядов перемешана с явным сочувствием ему, где как будто умышленно ищется повод для мрачных прославленных цитат из запрещенной книги. Статья оставляется Пушкиным неоконченной, очевидно, как явно безнадежная в цензурном отношении, и следом за ней возникает новая — „Александр Радищев“. Пушкин порочит радищевское „Путешествие“, он почти клянется своей благонамеренностью, он возмущается «неизвиняемым преступлением» Радищева, но все эти выставленные напоказ восклицания благонадежности производят болезненное впечатление рядом с оговоркою, что в Радищеве мы «не можем не признать преступника с духом необыкновенным, политического фанатика, заблуждающегося конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостью». Эта политическая не очень хитрая загадка, предложенная Пушкиным в период видимого полного его благомыслия, долго мучила цензуру, пока ее сомнения не разрешил министр Уваров, запретив статью по мотивам нежелательности «возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения». Но не эту ли цель преследовал Пушкин — возобновить память, намереваясь выступить в печати с такими неожиданными, такими двойственными оценками писателя, вынесшего свои мечты о свободе с Запада и в кандалах ушедшего за них в Сибирь? Жандармерия, шпионившая за Пушкиным после «договора» его с царем, отмечала себе его настроения именно в последнюю зрелую, а не юношескую полосу его деятельности. Мнение жандармов известно: Пушкин «до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъявлении оных». Он, конечно, изменялся вместе со временем, но жестокая скованность условиями, поставленными ему царем, правительством, полицией, не затушила его свободомыслия.

Пребывание Пушкина в сфере западноевропейской культуры дало не поверхностные результаты, не заимствование каких-нибудь худо-

жественных приемов, не простое отражение западной эстетической традиции — нет, оно создало и в творчестве Пушкина, и во всем его поэтическом облике современное ему мировое содержание, поднявшее его над всеми русскими писателями начала XIX в. и поставившее его в ряд с великими писателями Европы.

Но у этого писателя-европейца нет ни одного художественного произведения, которое воспринималось бы русским читателем как иностранное. Наоборот, со страниц пушкинских действительно волшебных книг, читать которые и в молодости и в старости нельзя без ликующего биения сердца, без счастья или без мук, вечно дышит живое, полное сил и широты искусство русского гения.

„Моцарт и Сальери“ мог быть создан мировым гением на языке любого культурного народа, — так универсально содержание трагедии. Но „Моцарт и Сальери“ есть неповторимое создание именно русского поэта, придавшего универсализму темы неоспоримую национальную форму.

Перед литературными современниками Пушкина стоял вопрос о народности литературы. Он рассматривался по-разному, и даже единомышленники и сторонники поэта не всегда одинаково его решали. «Один из наших критиков, — пишет Пушкин, — кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения». Пушкин решительно восстает против обоих этих взглядов.

«... что есть *народного* в „Россиаде“ и „Владимире“ и, как справедливо заметил Державин, что есть народного в *Ксении* Озерова, рассуждающей шестистопными ямбами о власти родительской с наперсницей посреди стана Дмитрия?»

И Пушкин дает свое положительное определение народности: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».

Иными словами, понимание народности Пушкина исторично. Весь опыт прошлого, все культурное накопление народа должно служить материалом для художника, решающего задачу современной литературы. Полностью отвечая общему «историческому направлению» Пушкина, этот взгляд на народность обусловил характер пушкинской работы над литературным языком. Литература или письменность понималась Пушкиным как часть общенационального культурного достояния, и он стремился завоевать для нее подобаю-

щее место в общеисторическом развитии страны. Сторонник европейского просвещения, он, однако, считает, что русская история может идти другими, отличными от Европы путями, и в области национального языка высказывается за самоопределение. «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими». Эти слова не содержат какого-нибудь националистического смысла, а выражают убеждение Пушкина, что на исторической национальной основе вполне возможно создание русского литературного языка, который будет соответствовать уровню языков западноевропейских.

Работа над литературным языком была для Пушкина делом всей его жизни, и в осуществлении этого дела он обнаружил поражающую осторожность. Он старался не упустить ни одной мыслимой реальной возможности обогатить язык, придать ему гибкость и музыкальность. Поэтому он стал на путь синтеза: во-первых, он принял, вслед за Ломоносовым, книжное наследие церковно-славянского языка; во-вторых, он обратился к бытовому русскому языку, к «простонародному наречию»; в-третьих, он утвердил применение западных заимствований русского дворянства и его литературы XVIII в. Таковы выводы современных нам исследователей пушкинского языка. К каждому из этих элементов литературного языка Пушкин подходил не безоговорочно, как это сделал бы педант, но выбирал из него лишь подлинное, живое, способное служить цели. «Несколько сказок и песен, беспрестанно подновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и „Слово о полку Игореве“ возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности». Такой строгий отбор Пушкин делает при обращении к одной из основ национального языка. Вяземский записывает другую черту отношения поэта к языку: «Немного парадоксируя, Пушкин говаривал, что русскому языку следует учиться у просвирен и лабазников; но, кажется, сам он мало прислушивался к ним и в речи своей редко простонародничал». Наконец, вводя в литературную речь европеизмы, усвоенные дворянским обществом и его литературой, Пушкин вел борьбу с жеманным языком салона, с модными утонченностями, и выдвигал применение языка «хорошего общества». «Хорошие общества, — обращался он к литераторам, — могут существовать и не в высшем кругу, а везде, где есть люди честные, умные, образованные».

В длительной, безостановочной войне за создание литературного языка Пушкин проявил гениальность стратега. Но не только осмот-

рительностью стратега, обдуманностью каждого шага отличается необыкновенная война, она горит пушкинской страстью. Следовать ее путем, смотреть на следы разгрома отступивших пушкинских противников и на бессмертные памятники пушкинских побед доставляет наслаждение, которое хорошо знает читатель Пушкина.

Первым памятником создания Пушкиным русского литературного языка являются его художественные произведения и прежде всего его поэзия. В ней как бы физически осязаешь покоряющую силу речи. В ней все части, разъятые исследователем на элементы, даны поэтом как организм, трепещущий жизнью. Какую силой надо обладать, чтобы соединение церковно-славянских и народных русских слов с руссифицированными европеизмами превратить в однородный гибкий язык, с одинаковым совершенством выражающий мысль в ее глубине, гневе, созерцании, в блеске остроумия и смеха. Поэтическую стихотворную форму дар Пушкина подчиняет невиданным до него условиям, заставляя ее терпеть, кажется, какое угодно словесное обозначение из русского быта, какую угодно «прозаическую вещь». И вот в начале XIX в. в русских стихах, на основе только что создающегося литературного языка, возникают первые произведения реализма — «Борис Годунов» и «Евгений Онегин». И они остаются великой школой русской реалистической литературы на протяжении всего века, и мы стоим перед ними до сего дня как гордые, счастливые ученики.

Но кроме художественных сочинений, от поэта остался другой памятник, запечатлевший его труд над созданием языка. Это — письма. Весь живой Пушкин, со всей его судьбой и всем даром отражается в этих нескольких сотнях маленьких произведений. Их можно назвать энциклопедией пушкинского гения. Они не только раскрывают программу борьбы за новый язык, они показывают воодушевленную практику его создания. Разговорная речь вовлекается в текст писем с непрерывной последовательностью. Конечно, здесь нет излишеств «простонародничанья», но, как и у многих современников поэта, народные обороты применяются в изобилии. Изучение поговорок, пословиц, собирание народных стихов в эпоху Пушкина было довольно распространено в литературной среде. Вяземский намеревался составить «жормчую книгу», в которой «отразился бы русский склад, русская жизнь до хряца, до подноготной». Вместе с Киреевским и Соболевским Пушкин хотел издать сборник народных исторических и обрядовых песен и составил план предисловия к нему. Известны его собственные записи песен и сказок, сделанные с голоса

в с. Михайловском. Интерес его к просторечью виден на всем пути творчества, и в письмах он нагляден так же, как одновременное постоянное пребывание поэта в европейской стихии. У него есть письма, представляющие собою совершенно экзотические битвы руссизмов с европеизмами. Из таких битв и составила выигранная Пушкиным война за национальный литературный язык.

Победа досталась Пушкину благодаря его ясному взгляду на историческое развитие России. Через сто лет после Петра Россия неизбежно должна была сделать новое национальное усилие, чтобы догнать Европу, могущество которой стремительно укрепляла пришедшая повсюду к власти буржуазия. Рост влияния русской буржуазии Пушкину был очевиден. Появление в литературе недворянских писателей он рассматривал, как «важный признак». В области культуры он видел прогресс и в уравнении своей страны с европейскими народами, но на основе национального развития, отличного от европейского. Так выросла перед ним задача создания русского литературного языка, способного сравниться с любым культурным языком Европы. Так он решил вопрос о национальной форме, о народности литературы.

Так совершенная национальная форма сделала всеобщим достоянием мировое содержание пушкинской поэзии.

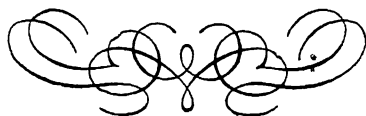
Пушкин был главным, обильнейшим истоком русской реалистической литературы XIX в., давшим ей направление и полноту мощи. Он присутствует и в нашей новой русской советской литературе, которая возникла из величайшей социальной революции Октября. Наша литература проверяет себя на Пушкине жизненно и художественно, корректирует свой труд Пушкиным. Создатель языка, Пушкин «истинной его жизнью» считал мысль. И мы помним и разделяем это. «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы, она требует мыслей и мыслей; блестящие выражения ни к чему не служат», — писал Пушкин. И мы стремимся никогда не забывать его завета.

После пролетарской революции, рожденный ею и возросший до десятков миллионов советский читатель свободно наслаждается гением Пушкина. С каждым годом все больше новых — молодых и старых — рук тянется из всех концов великого Союза народов за книгой с этим прекрасным, по слову Александра Блока, *веселым* именем. Как в любимом существе, народ ищет в Пушкине самые лучшие, самые заветные свои черты — свободомыслие, ненависть к рабству, жизнерадостность, поэтичность, т. е. любовь к песне и

сказке. И еще никто не обманывался в Пушкине. Он всегда мужествен, прозрачен, неисчерпаем в своем блеске ума и в богатстве сердца.

Мы горды тем, что творчество Пушкина принадлежит народу. Эти слова теперь наполнены правдой, потому что революция явилась «живой водой» для народа и вместе с грамотой дала ему все сокровища его истории. Глядя на свое прошлое без всяких повязок на глазах, счастливые, что в нем возвышается такая вершина, как Пушкин, мы видим также всех виновников его трагического конца. Гибель Пушкина — один из самых потрясающих обвинительных актов, предъявленных историей царизму. Когда преступление уже совершилось и Пушкин был мертв, царское правительство не отступило перед покушением на его память. Россия должна была бы возвести Пушкину гробницу в пантеоне величайших своих людей, а гроб с телом поэта «скакал» без остановок украдкой, в глухую деревню, подальше от славы и почестей народа. Этого оскорбления народного чувства мировому поэту новый хозяин мира — «молодое племя» нашей великой страны — никогда не позабудет и никогда не простит.

Это племя предает позору и презрению всех, кто виновен в смерти Пушкина. И это племя восклицает: «Да здравствует бессмертный Пушкин!»

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

СТО ЛЕТ
СО ДНЯ СМЕРТИ
А.С. ПУШКИНА

ТРУДЫ
ПУШКИНСКОЙ СЕССИИ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

1837 — 1937

Издательство Академии Наук СССР
Москва-Ленинград

1 9 3 8